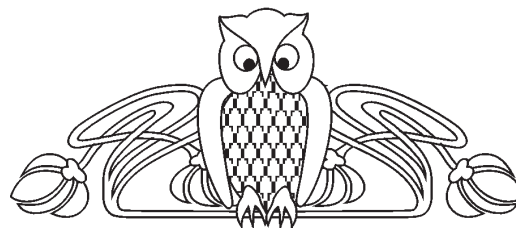

УДК 159.9: 316.6

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КРИМИНАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Романова Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

В статье показано, что в условиях трансформирующегося социума, социальной нестабильности в российском обществе происходит расширение девиантных социальных практик. Подчеркивается, что параллельно с этим появляются новые возможности для личности в плане асоциальных и антисоциальных способов самореализации. Раскрыта актуальность исследования проблемы в связи с появлением новых социальных детерминант вовлечения личности в криминальную деятельность. Подчеркивается, что особую опасность представляют социальные практики криминального доминирования. Отмечается, что в связи с этим изменяются траектории и расширяются детерминанты приобщения личности к криминальной деятельности. Дается определение понятия «криминальное доминирование». Раскрыты признаки модификации традиционной криминальной субкультуры и социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность в условиях действия криминальных практик. Последние рассматриваются как обусловленные процессами самодетерминации. При этом личность, вовлекаемая в преступление, является одновременно и субъектом, и объектом вовлечения (самововлечение). Показано, что изучение криминальных социальных практик необходимо для пресечения рисков интенсификации преступных форм поведения, расширения и воспроизводства преступности, выработки эффективных мер борьбы с распространением новых форм социальных практик в российском обществе.

Ключевые слова: социальные практики, вовлечение личности в криминальную деятельность, социальные практики криминального доминирования, криминальная группа, модификация традиционной криминальной субкультуры, самововлечение.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-319-323

Актуальность темы исследования

Интенсивная динамика социальных трансформаций неизбежно приводит к изменению системы общественных ценностей, в том числе влиянию факторов негативной социализации на личность, появлению новых стратегий построения жизненных смыслов личности в условиях глобальных перемен. При этом в условиях социальной нестабильности в российском обществе происходит расширение асоциальных и антисоциальных форм самореализации личности. Одна из причин этого – возникновение девиантных социальных практик, которые становятся повседневной реальностью. Кроме того, они имеют

тенденцию к институционализации. Особую опасность для общества представляют криминальные социальные практики, с помощью которых происходит внедрение криминальности в структуру социума.

Зона действия криминальных социальных практик существует на фоне роста количества преступлений, активного проникновения, распространения и внедрения криминальных ценностей в социальную структуру общества, а качественные изменения структуры современной преступности способствуют расширению ее социальной базы.

Наличие в обществе криминальных социальных практик способствует возникновению новых, характерных для трансформирующегося социума детерминант приобщения личности к криминальным ценностям и вовлечения ее в криминальную деятельность. Расширяются мотивирующие основания преступного поведения личности, следствием чего является вовлечение в преступную деятельность самых разных слоев населения. Индивидуальные траектории приобщения личности к криминальной деятельности в настоящее время характеризуются многообразием возможностей криминальной самореализации.

Последствия факта вовлечения личности в преступную деятельность часто трагичны и необратимы для нее (криминальная идентификация, высокий риск рецидива, разрушенная судьба, социальное дистанцирование общества от преступника).

Изучение криминальных социальных практик необходимо для пресечения рисков интенсификации криминальных форм поведения, расширения и воспроизводства преступности в российском обществе, а также выработки эффективных мер борьбы с распространением криминальных форм социальных практик в российском обществе.

Понятие социальных практик

В социальных науках категория «практика» стала одной из определяющих: с ее помощью можно исследовать и выявлять актуальные тенденции

социального развития конкретного общества. Более того, некоторые ученые рассматривают социальные практики в качестве «предмета социальных наук» [1]. П. Бурдье считал социальные практики каждодневными, привычными поступками, не требующими объяснения [2]. Социальные практики понимаются также как конкретная деятельность, соединяющая слова и действия; искусство решения практических задач в ситуации неопределенности [3].

Социальные практики оказывают влияние на личность как фактор, способный изменять ее цели и ценности. Кроме того, ряд авторов рассматривают их в качестве аналогов социальных действий [1, 4, 5]. Согласно М. Веберу, социальное действие – это «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 603]. Структура социального действия включает в себя актора, цель деятельности, нормативную систему и социальную ситуацию [5, с. 94–96]. П. Бергер и Т. Лукман считают, что социальные действия лежат в основе социальных процессов [6].

Таким образом, социальные практики рассматриваются как совокупность социальных действий акторов. При этом, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, всякая человеческая деятельность подвергается хабиутализации (опривычиванию) [6, с. 89–92]. На это указывает и П. Сорокин: повторяющиеся взаимоотношения становятся привычными [7, с. 40–41]. Когда социальное действие проходит стадию опривычивания, оно становится социальной практикой. Таким образом, опривыченные действия и образцы поведения закрепляются в социальных практиках, более того, они могут выйти на уровень институционализации [6, с. 78].

По мнению П. Бурдье, с одной стороны, социальные практики обуславливаются социальной средой, а с другой – и сами влияют на нее, способствуя ее изменению [2]. Социальные практики характеризуются устойчивостью, воспроизводимостью, массовостью, нормативностью. Г. Гарфинкель подчеркивает: социальные практики поддерживаются в обществе благодаря процессам обучения и реализуются при помощи рутинных действий [8, 9].

Помимо позитивных изменений, возникающих благодаря социальным практикам, имеются и негативные – криминальные практики, постепенно проникающие и внедряющиеся в социальную ткань нашего общества, мы называем их социальными практиками криминального доминирования.

Социальные практики криминального доминирования

Одна из важнейших характеристик современного общества – высокий уровень и темпы роста преступности. Увеличение количества преступлений означает, что все больше людей выбирают криминальные способы реализации своих целей и задач: в преступную деятельность вовлекаются люди с самыми разными социальными, правовыми и психологическими характеристиками, расширяются побудительные и смысловые детерминанты криминального поведения.

В настоящее время элементы криминального активно включаются в социальное существование человека и общества. Преступность внедряется в социальную систему, угрожая формированием внутри нее криминальной социальности. Если в рамках советского пространства криминальный мир противопоставлялся законопослушному обществу, то в настоящее время он активно внедряется в правовое социальное пространство, утверждая свое право на практически легитимное существование.

Криминальный мир использует в собственных целях фактор интенсивных социальных изменений: а) приспособление в своих интересах социальных и социально-психологических условий, явлений и обстоятельств (недоработки законодательства, «слабые места» функционирования социальной системы, неудовлетворенные потребности и ожидания людей); б) намеренное создание условий для расширения сфер криминальной самореализации отдельных преступников и преступных групп.

Один из изученных нами вариантов приобщения личности к криминальной среде – её пребывание в зоне социальных практик криминального доминирования. Под криминальным доминированием мы понимаем особым образом организованную форму социальной практики, в которой внешне декларируемая социальность организации (как правило, коммерческой) маскирует изначально преступные намерения и цели ее руководителей. Речь идет о ситуациях выполнения человеком функциональных обязанностей в рамках легитимно функционирующей коммерческой организации (компании).

Организация позиционирует себя как коммерческая, но реально занимается мошенничеством (псевдокоммерцией). Таким образом, легально действующая криминальная группа рекрутирует в свой состав членов из числа работников: речь идет, фактически, о социальных практиках криминального доминирования. В такой организации доминирует специфическая субкультура, соеди-

няющая в себе внешне наблюдаемые проявления организационной культуры и криминальной субкультуры. В данном случае мы наблюдаем интересную тенденцию: модификацию традиционной криминальной субкультуры. Она проявляется в: а) социальной мимикрии, социальной маскировке, внешней презентации, приспособлении к изменяющимся социальным реалиям; б) сочетании криминальных ценностей с ценностями индивидуалистическими и культурой конкуренции; в) формировании специфической организационной культуры, отвечающей потребностям криминальной группы; г) «переплетении» законных и криминальных видов деятельности; д) направленности деятельности на включение в социальную жизнь общества (внутри социального «организма»).

Содержание этой субкультуры представляет собой сплав криминальных ценностей и внешне приемлемых, социализированных форм поведения.

Такие криминальные организации, существующие в формах легальных социальных практик, ориентированы на внешнее (имитация внешних признаков легитимной официальной социальной группы, создание окружающей среды). Внешняя презентация рассчитана на внешнего наблюдателя – потенциальных клиентов и заказчиков. Однако внутреннее содержание такой формы организационной культуры определяется как антисоциальное, она преследует преступные цели. Постепенно, но достаточно быстро (в течение недель и месяцев) происходит внутренняя интеграция членов группы: они знают, как им поступать и как взаимодействовать друг с другом. У них формируется своеобразное чувство организационной идентичности.

Социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность в условиях действия криминальных практик

Вовлечение личности в криминальную деятельность понимается нами как её приобщение к криминальной деятельности, побуждение заняться ею, возникающее у субъекта под влиянием ряда детерминант.

В области права вовлечение традиционно понимается как физическое либо психическое влияние, направленное со стороны вовлекающего на убеждения вовлекаемого. Причем вектор вовлечения может быть направлен не только на убеждения, но и на эмоциональную сферу и бессознательные установки человека, под влиянием которых он может принимать решения, в том числе и криминального характера. Таким образом,

процесс вовлечения рассматривается нами как реализуемый с помощью как сознательных, так и малоосознаваемых психологических механизмов личности.

Для понимания истоков криминального поведения важно исследовать социально-психологические механизмы и детерминанты вовлечения личности в криминальную деятельность в условиях трансформирующегося аномичного социума, но они до настоящего времени не изучены.

Социально-психологический подход в изучении социально-психологических механизмов вовлечения личности в криминальную деятельность рассматривает последнюю как определяемую социальными детерминантами. Эти механизмы рассматриваются нами как сложное системное образование, формирующееся в процессе жизнедеятельности личности. На наш взгляд, они включают генезис, детерминанты и факторы вовлечения личности в криминальную деятельность и представляют собой совокупность компонентов, явлений и процессов (объективных, субъективных, статических, динамических, внешних, внутренних).

В рамках проведенного нами ранее исследования выявлена роль некоторых социальных практик как социально-психологических механизмов вовлечения личности в криминальную деятельность [9, с. 49–51]. Получены следующие результаты: в рамках криминальных социальных практик вовлечение личности в криминальную деятельность происходит в отсутствие использования со стороны вовлекающего активных методов воздействия на вовлекаемого (типа убеждения, угроз, принуждения и т.п.), т.е. посредством неявного побуждения другого лица к совершению криминальных действий.

Социально-психологические механизмы вовлечения личности в преступную активность обусловлены процессами самодетерминации: при этом личность, вовлекаемая в преступление, является одновременно и субъектом, и объектом вовлечения (самововлечение). Следует отметить, что соприкосновение личности с криминальными практиками в рамках функциональных (рабочих) отношений и его дальнейшее вовлечение в криминальную деятельность в данном случае определяется включенностью человека в профессиональную среду. Принципиально важным здесь является отсутствие фактора личных симпатий или антипатий: речь идет об отношениях, которые носят безличный характер и определяются социальной ролью, выполняемой работником.

В рамках действующих легитимно криминальных групп социальная роль преступника и его криминальная деятельность являются

одобряемыми. В структуре данной разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность функционирование («погружение», существование) личности в зоне социальных практик криминального доминирования является определяющим: здесь социальный порядок выступает в форме криминального порядка. В таких условиях личность постепенно «растворяется» в криминальной среде. Вовлечение неустойчивой, конформной личности в криминальную деятельность происходит постепенно, часто незаметно для нее самой.

Уязвимыми в этом плане являются те, кто не имеет явных криминальных наклонностей, типичных психологических, моральных и социально-демографических особенностей, характерных для преступников.

Процессы социальной динамики в отдельных случаях приводят к стиранию граней между нормативными и преступными способами достижения целей. Неустойчивое сочетание деструктивного и конструктивного начал, присущее природе человека, способствует формированию особых криминальных субъектов: для них характерно размытие отличий правомерного и криминального модусов существования и у них возрастают риски вовлечения в криминальную деятельность. Ранее нами был описан такой тип личности преступника [10]. Для него характерна демонстрация социализированных форм поведения, внешняя презентабельность, образованность, ориентация на социокультурные нормы законопослушного общества, с одной стороны, и нормы криминального мира – с другой. Социально-психологические механизмы

приобщения такой личности к криминальному поведению специфичны, отличны от особенностей вовлечения в криминальную деятельность традиционного (общеуголовного) преступника.

Список литературы

1. Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуры. М., 2003. 528 с.
2. Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М., 1994. 288 с.
3. Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология. М., 2001. 624 с.
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю. Н. Давыдова; М., 1990. 808 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
7. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. 560 с.
8. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007. 335 с.
9. Романова Н. М. Психология мошеннической группы: элементы организационной культуры и криминальной субкультуры // Организационная психология : люди и риски : сб. материалов II рос.-амер. науч. конф. / под ред. проф. Л. Н. Аксеновской. Саратов, 2011. С. 49–51.
10. Romanova N. Classification of criminal groups // CBU International conference on integration and innovation in science and education (Prague, Czech Republic, April 7–14, 2013). DOI: 10.12955/cbup.2013.25. URL: <http://ojs.journals.cz/index.php/CBUConference2013/article/view/25/28/> (дата обращения: 20.03.2017).

Образец для цитирования:

Романова Н. М. Социальные практики криминального доминирования: особенности вовлечения личности в криминальную деятельность // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 319–323. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-319-323.

Social Practicians of Criminal Domination: Features of Involvement of the Personality in Criminal Activity

N. M. Romanova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

The article shows that under the conditions of a transforming society, social instability in Russian society, deviant social practices are expanding. It is emphasized that in parallel with these new opportunities for the individual in terms of antisocial and antisocial ways of self-realization. The relevance of the research is revealed in connection with the emergence of new social determinants of involving the individual in criminal activity. It is emphasized that social practices of criminal domination are a particular danger. It

is noted that the connection with this, the trajectories are changing and the determinants of the person's involvement in criminal activities are expanding. The definition of the concept of «criminal domination» is given. Disclosures of signs of modification of the national criminal subculture and socio-psychological mechanisms of involving the individual in criminal activity in the conditions of the criminal practices. The latter are regarded as conditioned by the processes of self-determination. At the same time, a person involved in a crime is both a subject and an object of involvement (self-involvement). It is shown that the study of criminal social practices necessary to curb the risks of criminal behavior, expand and reproduce crime, develop effective measures to combat the spread of new forms of social practices in Russian society.

Key words: social practicians, involvement of the personality in criminal activity, social practicians of criminal domination, criminal group, modification of traditional criminal subculture, self-involvement.

References

1. Giddens A. *The constitution of society*. Cambridge, 1991. 440 p. (Russ. ed.: Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, 2003. 528 p.).
2. Bourdieu P. *Choses dites*. Paris, 1987. 228 p. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Nachala*. Pod. red. N. A. Shmatko. Moscow, 1994. 288 p.).
3. Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, 2001. 624 p. (in Russian).
4. Weber M. *Essays in Sociology*. Oxford, 1958. 490 p. (Russ. ed.: Weber M. *Izbr. proizv.* Translate ed. Yu. N. Davydov. Moscow, 1990. 808 p.).
5. Parsons T. *Structure of social action*. London, 1991. 448 p. (Russ. ed.: Parsons T. *O strukture sotsialnogo deystviya*. Moscow, 2000. 880 p.).
6. Berger P. L., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. London, 1966. 249 p. (Russ. ed.: Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, 1995. 323 p.).
7. Sorokin P. A. *On the practice of sociology (Heritage of sociology series)*. Chicago, 1998. 336 p. (Russ. ed.: Sorokin P. A. *Obshchedostupnyy uchebnik sotsiologii. Stati raznykh let*. Moscow, 1994. 560 p.).
8. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. London, 1991. 304 p. (Russ. ed.: Garfinkel H. *Issledovaniya po etnometodologii*. St. Petersburg, 2007. 335 p.).
9. Romanova N. M. Psikhologiya moshennicheskoy gruppy: elementy organizatsionnoy kultury i kriminalnoy subkultury [Psychology of the fraudulent group: elements of organizational culture and criminal subculture]. In: *Organizatsionnaya psikhologiya: lyudi i riski: sb. materialov II rossiysko-amerikanskoy nauch. konf.* [Organizational psychology: people and risks: Processing book of II Russian-American scientific. conf.]. Ed. by L. N. Aksenovskaya. Saratov, 2011, pp. 49–51 (in Russian).
10. Romanova N. Classification of criminal groups. In: *CBU International conference on integration and innovation in science and education* (Prague, April 7–14, 2013). DOI: 10.12955/cbup.2013.25. Available at: <http://ojs.journals.cz/index.php/CBUConference2013/article/view/25/28/> (accessed 20 March 2017).

Cite this article as:

Romanova N. M. Social Practicians of Criminal Domination: Features of Involvement of the Personality in Criminal Activity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 319–323. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-319-323.
